

ступавшего в качестве универсального средства религиозной и культурной идентификации всей исламской цивилизации. В культурном плане русский язык – это не только язык межнационального общения, но и глобальный коммуникационный канал, позволяющий Казахстану не затеряться в цивилизационной картине мира.

Между тем Казахстан является этнократическим государством, строящимся в системе *государствообразующего этноса*. Французские исследователи CNRS считают, что в Казахстане гражданское общество строится по принципу не социальных групп, а этнических, т.е. получается некая пирамида, где наверху находятся этнические казахи, в руках которых вся государственная власть и крупные финансовые структуры; в самом низу находятся тоже этнические казахи, но лишённые всего и проживающие в депрессивных, малодоступных регионах, а мелкий и средний бизнес занимают в основном представители разных этнических меньшинств. И еще один промежуточный слой – это русский этнос. При официальной риторике о *евразийстве* как универсальном интеграционном процессе в повседневной практике на всех уровнях общественной жизни происходит, в терминологии англо-американских исследователей (М. Брилл, С. Каминс), *казахизация* – процесс доминирования титулярной этнической группы в Казахстане, то есть казахов, на сцене общественной жизни страны. В условиях мультикультурности, или мультицивилизационности, свойственной Казахстану, это приведет к возрастанию трений на социокультурной почве.

По данным социологических исследований, казахский язык для большинства казахов является вторым, только *этническим языком*. Всего лишь около 37% казахов могут разговаривать, писать и думать на казахском. По стандартам ООН, родным

языком является тот, на котором человек думает, пишет и говорит. В связи с этим для многих людей, особенно русскоязычных казахов, казахский не является родным. Таким образом, языковой фактор не есть способ идентификации, тем более казахский язык не может быть инструментом интеграции и строительства гражданской нации.

Примерно такая же ситуация складывается в плане религиозной идентификации. С точки зрения национальной традиции быть мусульманином, значит принадлежать к коренному населению региона. Традиционно не мусульманин не может считаться казахом. Однако большинство казахов не отличаются сильными религиозными устоями, в то же время они не видят себя и путь своего развития без отождествления с исламской культурой и мусульманским миром. Сегодня в процессе геокультурной экспансии Европы, а точнее англо-американской культуры, государство старается как можно быстрее привести свое общество под стандарты и дух западной демократии, взращенной на христианской культуре протестантского реформизма. В этих условиях складывается парадоксальная ситуация в сфере культурной социализации.

Дилемма «Восток–Запад» в массовом сознании казахстанцев предполагает, что «европейщина» – это соблюдение прав и свобод, диктатура закона, свободный труд, гуманное отношение к женщине, технический прогресс, а в термин «азиатчина» вкладывается негативный смысл. Но в своем реальном поведении рядовой казахстанец уподобляется человеку, который говорит: «Я иду в душ, хочу смыть с себя азиатчину!», при этом он моет только голову, чуть-чуть моется, поскольку эта «грязь» ему приятна, он привык к ней. Маргинальность сознания и менталитета – вот главная характеристика современного Казахстана.

УДК 316. 334. 52

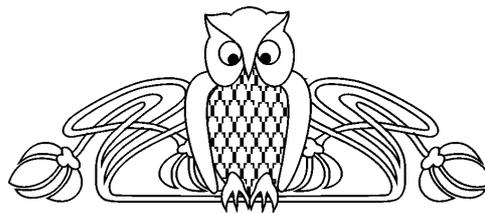
МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В.П. Букин

Пензенский государственный университет,
кафедра государственного и муниципального управления
E-mail: gmu_08@mail.ru

Проблемы молодежи на региональном рынке труда рассмотрены на основе исследования, проведенного в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях. Представлен социологический портрет работающей молодежи, сферы деятельности, трудовая мотивация, ее востребованность по полученной специальности, отношение молодых людей к безработице и экономической нестабильности.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, регион.

Young Adults on Labor Market: Regional Aspect

V.P. Bukin

Young adults' problems are examined on the basis of scientific research taken place in Republic of Mordovia, Russia and Penza and Ulyanovsk regions. The article represents young adults' sociological portrait, sphere their social activity, labour motivation, their requirement at the labour market according to their

qualification, their attitude towards unemployment and economic instability in the country.

Key words: young adults, labor market, region.

Труд и занятость были и остаются главными источниками общественного воспроизводства. С ними связано производство не только жизненных средств, но и самого человека, его духовных и физических сил. Важным показателем направленности воспроизводственных процессов выступает мотивация труда. В современной социологии она рассматривается как решающий фактор социальной эволюции¹.

Теоретические и прикладные разработки проблем занятости молодежи содержатся в трудах Н.В. Андреевской, Н.М. Блинова, Ю.А. Зубок, М.Н. Руткевича, Е.Г. Слуцкого, Э.Н. Фетисова, В.И. Чупрова. В современных условиях представляется важным дальнейшее углубленное исследование проблем занятости молодежи в условиях рынка, региональных особенностей занятости, факторов ее социального регулирования².

Проблема занятости молодежи имеет следующие наиболее существенные проявления – это противоречия:

- между провозглашенным правом на труд и реальным обеспечением этого права (де-юре – де-факто);
- численностью молодежи, находящейся на рынке труда и числом рабочих мест, которые она реально может занять (спрос – предложение);
- качеством молодежной рабочей силы и требованиями работодателей (низкая конкурентоспособность);
- системой образования и рынком труда (невостребованность полученного образования);
- весьма высокими притязаниями молодежи и реальными потребностями в их труде (завышенные притязания);
- рынком труда и рынком жилья для молодежи (есть работа – нет жилья) и др.

Каждое из этих противоречий имеет целый ряд конкретных выражений. И все они усилены современной кризисной социально-экономической ситуацией³.

Как показали социологические исследования безработной молодежи Пензенской области, проведенные с участием автора еще в 1997 г., 32% из них считают, что им уже все равно, где работать, лишь бы работать. В сельской местности были готовы идти на любую работу 42,9% молодых безработных, и это при том, что 73,2% опрошенных имели среднеспециальное, незаконченное высшее или высшее образование.

Безусловно, ситуация на региональном рынке труда за прошедшее время резко изменилась. Поэтому воспользуемся данными нашего социологического исследования «Российская молодежь в регионах “скромного” достатка. Каковы жизненные перспективы?».

Социологический портрет работающих респондентов (55,5% от общего числа опрошенных) характеризуется следующими показателями: 58,4% респондентов имеют высшее и незаконченное высшее; 30,1% – среднее специальное образование. Среди работающих 18,4% являются специалистами с высшим образованием; 8,7 – служащими из числа технического и обслуживающего персонала; 8,0 – квалифицированными рабочими; 6,1 – руководителями высшего и среднего звена; 4,2 – разнорабочими; 3,5 – предпринимателями; 2,6 – военнослужащими, сотрудниками правоохранительных органов и прокуратуры. Кроме того, являются пенсионерами по инвалидности, находятся в отпуске по уходу за ребенком – 1,8%, являются безработными – 3,0%.

При изучении сфер деятельности, которые больше всех привлекают молодежь, было выяснено, что в сфере образования трудятся 19,7% опрошенных, в торговле и общественном питании – 15,7; в сфере промышленного производства – 10,7; в сельском хозяйстве – 7,0; в строительстве, транспорте и связи – 12,3; жилищно-коммунальном хозяйстве – 3,0; в сфере управления – 5; науке, культуре, финансово-кредитных учреждениях – 10,1; других сферах – 16,5%.

Такое распределение отражает, во-первых, востребованность «сервисных» профессий и специальностей на региональном рынке труда (перетекание запросов из производственной в непродовольственную сферу); во-вторых, профессионально-трудоовую этику молодых россиян, характерную для постиндустриального общества, идеологией которого является общество досуга и различные формы нестандартных трудовых отношений.

В процессе изучения нестандартных форм занятости в Саратовской области⁴ нами было выяснены формы вторичной занятости, теневые формы, трудовые миграции. Социологический анализ показал, что лишь 15,7% респондентов полагают, что человек не должен быть привязан к одному месту работы и совместительство может открыть новые перспективы. Для двух третей участников опроса это лишь источник дополнительного заработка. Более четверти опрошенных (28%) готовы заниматься временной работой.

Рассматривая указанные формы нестандартной занятости, можно сделать вывод, что они в основном связаны с работой в неформальном секторе экономики и в сфере услуг. Именно сектор услуг генерирует, как правило, нестандартные рабочие места, которые в первую очередь востребованы молодежью.

Для выяснения причин трудоустройства респондентов им был задан вопрос: «Что повлияло на Ваше решение пойти работать?» Из семи возможных вариантов ответов можно было отметить не более трех наиболее значимых для них мотивов.

Главной мотивацией трудовой деятельности для всех возрастных категорий молодежи является решение насущных жизненных потребностей –

стремление иметь материальную независимость. На это указали 66,3% респондентов (16–21 лет – 54,9; 22–26 лет – 71,3; 27–30 лет – 67,4%).

Необходимость содержать семью находится на втором месте при решении пойти работать – 38,0%. По мере увеличения возраста эта мотивация значительна (16–21 лет – 16,0%, 22–26 лет – 32,4% и 27–30 лет – 56,4%). Это прежде всего связано с тем, что наиболее оптимальным возрастом для вступления в брак является 22–26 лет и возраст родителей для рождения первого и второго ребенка в семье тоже от 22 до 30 лет.

На третьем месте находится один из высших мотивов самореализации личности – потребность в самоуважении и престижность быть работающим человеком (37,5%). Причем эта мотивация в самоутверждении наших респондентов имеет значительный рост от младшей до старшей возрастной категории (16–21 лет – 24,9; 22–26 лет – 39,4; 27–30 лет – 42,6%).

Далее идут мотивы, которые имеют незначительные различия для всех возрастов молодежи:

- интересная работа – 24,1%;
- желание «быть на людях», не хотелось сидеть дома – 20,0%;
- мнение родных, знакомых – 7,9%.

Рационально-прагматичное отношение к труду (труд как средство обретения материального достатка) свойственно большинству молодых людей, стремящихся стать материально независимыми и содержать семью. В то же время для многих респондентов труд – это механизм самореализации, самоутверждения, показатель взрослости и самостоятельности. Наконец, значительное число опрошенных воспринимает занятость как форму включения в коллективное общение и в процесс усвоения групповых социально-профессиональных ценностей. Для них рабочее место выступает психологически комфортной сферой.

50,3% опрошенных готовы «много работать и хорошо зарабатывать», 34,8% предпочитают иметь спокойную стабильную работу, обеспечивающую основные социальные гарантии. Иметь интересную работу независимо от заработка пред-

почитают 6,4% опрошенных. Примерно столько же (6,3%) придерживаются прямо противоположной позиции – не работать и не учиться, но иметь все, что хочется. Судя по ответам, мы имеем дело с элементами трудовой этики молодежи, близкой к трудовой этике современного западного общества в плане психологических установок, но далекой от идеологии постиндустриального общества в практической реализации этих установок.

В частности, профессиональное образование, полученное молодыми в исследуемых регионах, в значительной степени оказывается невостребованным. Между тем положение молодежи на рынке труда, ее продуктивная занятость в первую очередь зависит от того, насколько она востребована, т.е. выпускник работает по специальности, полученной в учебном заведении.

Наш анализ показывает, что по специальности, полученной в учебном заведении, работает только 42,4% опрошенных, по другой специальности – 40,4%, а 17,2% пока еще не имеют диплома об окончании учебного заведения.

Заметно здесь отличается от других возрастных категория 16–21 лет. Это связано с тем, что именно в этом возрасте молодежь обучается в учебных заведениях профессионального образования и не имеет диплома (50,7%), поэтому и работающих по специальности среди них всего 19,7%.

Таким образом, почти половина работающих респондентов трудятся не по своей специальности, что на региональном уровне отражает существующий дисбаланс рынка труда и рынка образовательных услуг. Вместе с тем есть основания полагать, что поведение молодежи на рынке труда зависит не только от состояния региональных систем образования и занятости.

Молодые люди указали на конкретные причины работы не по своей специальности, ответив на вопрос: «Если Вы не работаете по специальности, полученной в каком-либо учебном заведении (но имеете подготовку по какой-либо специальности), то почему?» Было предложено выбрать не более трех из семи возможных ответов. Ответы приведены в таблице.

Причины работы не по специальности, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Возрастные группы			
	16–21 лет	22–26 лет	27–30 лет	Выборка в целом
Нет никаких вакансий	12,9	37,8	29,7	27,8
Не престижно	5,5	9,4	18,8	11,6
Слишком малый заработок	13,8	38,2	47,8	34,6
Не берут без опыта работы	27,2	30,7	24,7	27,6
Нет необходимых перспектив продвижения по службе	4,9	11,3	13,6	10,3
Другое (укажите)	5,5	6,8	7,6	6,7
Еще не имею диплома об окончании учебного заведения	64,3	17,2	11,9	28,8

Как видим, 34,6% респондентов отметили, что главной причиной здесь является слишком малый заработок; 27,8 – отсутствие необходимых вакансий, 27,6% утверждают, что работодатели не принимают молодых специалистов из-за отсутствия у них опыта работы. 10,3% опрошенных убеждены, что, работая по специальности, они лишаются перспектив продвижения по службе. Только 11,6% респондентов признались, что полученная в профессиональном учебном заведении специальность для них не престижна. При этом разные возрастные категории указывают на разные причины работы не по специальности. Например, на отсутствие вакансий больше всех указывают респонденты в возрасте 22–26 лет – 37,8%, на не престижность работы и малый заработок – 27–30 лет (47,8 и 18,8% соответственно).

В целом причины такой ситуации в исследуемых регионах могут быть самые различные, но в совокупности они отражают весьма тревожную и необоснованную тенденцию, связанную с продолжающейся дискриминацией молодых людей на рынке труда.

Было изучено и мнение респондентов о том, какие проблемы на их взгляд являются наиболее важными и трудными для современной молодежи.

Из всех 16 проблем, которые были обозначены в анкете, самой главной, по оценке респондентов, является безработица. Она особо актуальна для старшей возрастной группы, где она волнует 70,7% респондентов. Незначительно меньше (68,3%) она волнует младшую группу. Актуальна она также для 63,2% опрошенных в средней возрастной группе.

Экономическая нестабильность как проблема для молодежи находится на третьем месте после

безработицы и преступности. Причем она по мере взросления начинается больше волновать все возрастные группы молодых людей. Она является важной и трудной для 44,8% респондентов в возрасте 16–21 лет, 51,8 – в возрасте 22–26 лет и 57,3% – в возрасте 27–30 лет.

Было также выяснено личное отношение опрошенных к двум проблемам – отсутствию рабочих мест на производстве и невозможности найти работу по душе.

Невозможность найти работу по душе приходится у опрошенных представителей молодого поколения на пятом месте после инфляции, преступности, пьянства и наркомании в обществе, жилищной проблемы. В представлениях разных возрастных групп она имеет тенденцию к снижению. Отсутствие рабочих мест на производстве в одинаковой мере волнует представителей младшей и средней возрастных групп (21,5 и 21,3% соответственно) и каждого четвертого опрошенного старшей группы (24,2%).

Примечания

- 1 См.: *Зубок Ю.А.* Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М., 2007. С. 39.
- 2 См.: *Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв.ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров.* М., 2008. С. 132.
- 3 См.: *Букин В.П., Маркин В.В., Михнева С.Г., Найденова Л.И.* Занятость молодежи в регионе: проблемы и решения. Программно-аналитический проект. Пенза, 1996 С. 9.
- 4 См.: *Букин В.П., Розеватов Г.А.* Нестандартная занятость в современных условиях // *Вестн. Поволж. академии гос. службы.* 2007. № 13. С. 110–112.

УДК 316.346.32–053.8(470.44)

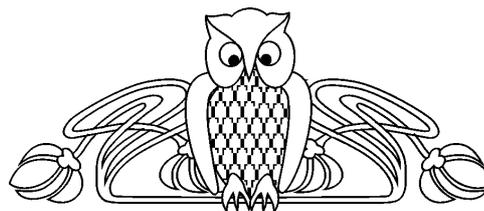
ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

О.А. Рагимова

Педагогический институт
Саратовского государственного университета,
кафедра физиологических и клинических основ детства
E-mail: RagimovaOlga@yandex.ru.

Статья посвящена социологическому исследованию феномена социального здоровья молодежи. Анализируются динамика его изменения в трансформирующемся социуме в Саратовском регионе, дается сравнительная характеристика с другими регионами, определены факторы, влияющие на его формирование.

Ключевые слова: социальное здоровье, основания социального здоровья, подрастающее поколение, социальная адаптация, социальное самочувствие, самооценка здоровья.

Dynamics (Changes) of Social Health of Grow-up Generations

O. A. Ragimova

The clause is devoted to sociological research of a phenomenon of social health of youth. Dynamics of his changes in sozun in Saratov region is analyzed, the comparative characteristic with other regions is given, the factors of influence his formation are determined.

Key words: social health, the basis of social health, rising generation, social adaptation, social state of healf, self-estimation of health.